

А. С. КЛЕВЧЕНЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ КАНТА В БЕЛОРУССИИ (К 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума»)

Философские идеи родоначальника немецкой классической философии, предшественника философии марксизма Иммануила Канта распространяются в Белоруссии с конца XVIII века. В последующее время они становятся предметом оживленных дискуссий, специальных научных исследований, подвергаются критике как с позиций материализма, так и идеализма. Противоречивость философии Канта находила благоприятную социальную и идейную почву в Белоруссии, где социально-экономическое и духовное развитие осуществлялось в острой борьбе против феодализма в экономике и идеологии. Идеи Просвещения и новой философии, естественнонаучных знаний вступают в конфликт с религиозной идеологией, многочисленными идеалистическими учениями. Идейная борьба отражала острую классовую борьбу.

Крупнейшим культурным и научным центром Белоруссии, Литвы и Польши конца XVIII—начала XIX века был город Вильно. Виленский университет, в котором обучались белорусы, литовцы, поляки, представители других национальностей, поддерживал научные связи с многими университетами Западной Европы, в том числе и с Кенигсбергским, где свыше 25 лет работал профессор Кант. В это время он написал основные свои философские работы.

Одним из первых пропагандистов философии Канта в Белоруссии, Литве и Польше, переводчиком его произведений был Ю. В. Быховец (1778—1845). В 1796 году, т. е. через год после выхода в свет, он перевел на польский язык работу Канта «К вечному миру». В 1799 году в Кенигсберге выходит в свет на польском языке «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», изданная Кантом в 1784 году. Ю. В. Быховец выбрал из различных работ идеи Канта о способности разума, перевел их на польский язык и опубликовал в 1843 году в Вильно в виде книги «Искусство предупреждения болезней». Свои переводы Ю. В. Быховец снабжал вступительными статьями и подробными комментариями, в которых проводил мысль, что философия Канта является противоядием против сенсуализма и гедонизма. Идеи Канта о педагогике собраны и переведены на польский язык и изданы в Вильно в 1819 году Иваном Бобровским.

В Виленском университете в начале XIX века философия Канта пропагандируется довольно широко. Так, например, профессор университета Я. Г. Абиخت читал лекции по философии Канта. Страстным поклонником Канта был Франтишек Вигура, который утверждал, что Кант «вернул человеку утраченное благодаря материализму и скептицизму достоинство»¹. Странники кантовского априоризма и агностицизма в Белоруссии и Литве, в Виленском университете находили солидную поддержку у философов Польши. Особенно страстно и активно выступали с пропагандой кантианства Ю. Шанявский, Ф. Яроньский.

В Белоруссии, Литве и Польше, несмотря на многочисленных сторонников, кантианство не стало господствующей философией. Его идеи использовали как идеалисты, так и материалисты. Первые брали из философии Канта априоризм, субъективизм и агностицизм, вторые—его мате-

риалистические, естественнонаучные идеи, критику субъективного идеализма, теологии. Противоречивость философии Канта, сочетание им в одной системе, как указывал В. И. Ленин, разнородных, противоположных философских направлений, примирение материализма с идеализмом, были причиной различного отношения к ней.

С позиций философии Просвещения критиковали Канта Ян Снядецкий (1756—1830) и Аниол Довгирд (1776—1835). Впервые против философии Канта Я. Снядецкий высказался в 1803 году, а развивал свою аргументированную критику в 1814—1820 годах. В работах «Философия человеческого рассудка», «О философии», «О метафизике» Я. Снядецкий выступил против кантовского априоризма и защищал материалистический сенсуализм в теории познания. Выясняя истоки трансцендентального идеализма, он указывает, что Кант возродил категории Аристотеля, некоторые из них он позаимствовал у Платона (чувственность, рассудок, разум, интуиция и др.), у Пифагора взял пространство и время². У Локка, Кондильяка, Лейбница Кант заимствовал идею разделения разума на чистый и эмпирический. Кроме того, поясняет Я. Снядецкий, Кант многое почерпнул из наследия субъективных идеалистов Дж. Беркли, Д. Юма и др. Ученый верно подметил, что философия Канта действительно была преемницей этих философских направлений. Однако он констатировал лишь простую преемственность, но не понял творческого, критического отношения немецкого философа к наследию прошлого.

В произведении «О философии» Я. Снядецкий указывает на четыре порока учения Канта. Во-первых, Кант выдвигает «раздутое недоверие свидетельству наших чувств»³. Вторым пороком философии Канта является то, что в ней рассматривается понятие о мыслящей душе как лишенной ощущений. «Глухой от рождения, — поясняет Я. Снядецкий, — не может иметь никакой мысли о музыке, а слепой — о цветах. Человек, лишенный ощущений, не способен даже ничего понимать. Вот почему язык всех общих истин есть и должен быть чувственным, так как его выражения взяты от предметов, вызывающих ощущения. Рассмотрение души в отрыве от ощущений приводит к идеализму»⁴. В-третьих, главная логическая ошибка Канта состоит в том, что «он из неправильного и воображаемого представления о состоянии человека делает выводы о естественном и общем его состоянии. Здесь Кант напоминает человека, который после сытного обеда разглагольствует о том, что для поддержания органической жизни нет никакой надобности в пище»⁵. И, наконец, четвертый порок философии Канта состоит в том, что он «совершенно не доказывает основных принципов своей науки, но берет их как якобы уже известные, в то время как они таковыми не являются»⁶.

Таким образом, Я. Снядецкий выступает против априоризма Канта, защищая опытный, чувственный источник познания. Он также решительно выступил против догматизма и бесплодных спекуляций в поисках сверхъестественных, всенаучных «начал». «Нет у человека никакой, — писал он, — даже самой общей мысли, которая не имела бы истока в ощущениях и которая в той или иной связи с ними вытекала бы из чистого разума»⁷. Я. Снядецкий был убежден, что из данных ощущений, из человеческого опыта черпается весь материал познания. Общие понятия, законы, математические аксиомы возникают на основе анализа и синтеза опытных данных. «Разум, опирающийся на опыт, наблюдения и чувственные впечатления, извлекающий из них силой рефлексии общие истины, от которых он снова доходит до феноменов, является реальной и благотворной силой в человеке, которая дана ему природой»⁸.

Я. Снядецкий подвергал критике и «категорический императив» Канта. Он указывал, что мораль и ее принципы носят исторический характер и не могут быть поняты вне изучения конкретных общественных отношений. Однако правильно критикуя кантовский априоризм и схематизм, субъективно-идеалистические тенденции, Я. Снядецкий не видел положительных моментов в философии Канта, его диалектики, постановки и попытки обоснования активности субъекта, роли логических средств в познании.

Большое внимание критике философии Канта и его последователей уделяет А. Довгирд. В 1817 году он подвергает обстоятельной критике кантианца Ф. Яроньского. Значительное место анализу философии Канта отводится Довгирдом в его труде «Лекции о присущих мышлению правилах или теоретическая или практическая логика»⁹, изданном в 1828 году в Полоцке. В отличие от Я. Снядецкого А. Довгирд с глубоким ува-

жением относится к Канту, называет его гениальным философом. Он видел в его философии как положительные, так и отрицательные моменты. Довгирд считал, что Кант совершил реформу в философии, в ходе которой поставил ряд важнейших проблем в теории познания. В частности, Довгирд разделял мнение Канта о том, что первостепенной задачей философии является достижение подлинного познания внешнего мира. Убеждала его аргументация Канта и в том, что человеческое познание содержит как объективные, так и субъективные элементы. Довгирд анализирует не только философию Канта, но и его последователей, прослеживает развитие основных его идей. Он правильно считал, что философия Канта становится источником развития различных школ идеализма. При этом последователи Канта нередко извращали его идеи.

А. Довгирд улавливал противоречивый характер философии Канта, соединение в ней материалистических и идеалистических моментов. Последние вызывали у него решительный отпор. Довгирд показывал, что трансцендентальная эстетика Канта приводит в конечном итоге к отрицанию объективной реальности. «Кант не предвидел выводов,— пишет А. Довгирд,— к которым он должен был привести своих читателей, когда утверждал, что пространство есть конечная форма чувственности...

Но так как внешняя реальность, по Канту, происходит из чистой формы чувственности, которой ничего подобного не может соответствовать в вещах в себе, то есть эти вещи, или ноумены, хотя Кант допускает их существование, согласно его же пожеланиям, не могут быть действительно внешними относительно человеческого разума. Но если они не являются таковыми, у кого же тогда не возникнет мысль, что они должны находиться в том же самом разуме, ибо где же еще найти для них место?»¹⁰.

Таким образом, А. Довгирд правильно улавливает субъективно-идеалистическую основу философии Канта. Он указывает, что ноумены действительно не являются внешними по отношению к сознанию человека, ибо вне внешней формы чувственности они не существуют. Поэтому Кант поступает непоследовательно, допуская их существование вне сознания. Не удовлетворяет А. Довгирда кантовский априоризм, понимание пространства и времени. Он на многочисленных фактах обосновывает их опытное происхождение, опровергая тем самым аргументацию Канта об априорности этих категорий. «Представление чистого пространства не может быть *argiori*, поскольку родилось из представления о полной протяженности»¹¹.

Время, согласно Канту, так же, как и пространство, является априорной формой чувственности. Окончательным выводом, который получил Кант, было утверждение, что «время есть форма внутренней чувственности или созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния; но он нам не объяснил, каким образом получается эта форма? Почему она должна соединяться в человеке со всеми внутренними и даже внешними явлениями?»¹².

Анализу трансцендентальной эстетики Канта Довгирд уделяет больше всего внимания. И это вполне понятно. Он считал, что именно в этом разделе «Критики чистого разума» Кант обосновывает исходные теоретические предпосылки своей философии, опираясь на которые, он пытается в трансцендентальной аналитике и диалектике окончательно устроить вещи в себе и провозгласить свой идеализм. Как последователю сенсуалистического материализма Довгирду было легче критиковать Канта по проблемам чувственного познания. Диалектика перехода от чувственного к рациональному познанию, сущность последнего ему как эмпирику-метафизику самому не была ясна. Поэтому он не понял диалектических идей, высказанных Кантом в последующих разделах «Критики чистого разума». Учение о противоречивости разума, т. е. об антиномиях, Довгирд называет совершенно ошибочным, унижающим достоинство человеческого разума. И это объясняется тем, что само мировоззрение Довгирда было противоречивым. Признание существования внешнего мира независимо от сознания человека сочеталось у него с обоснованием бытия бога, стремлением примирить науку и теологию.

Философские идеи Канта становятся предметом оживленных дискуссий на страницах газет «Минский листок» (1886—1902) и «Северо-Западный край» (1902—1905). Здесь эти идеи извращаются в духе неокантианства, соединения Маркса с Кантом. Либерально-буржуазные авторы использовали неокантианство в борьбе против научного социализма.

Окончательный удар по неокантианству нанес В. И. Ленин. Он показал, что неокантианцы в своем философском развитии пошли к более последовательному субъективизму, к защите религии, превратились в прислужников богословия, врагов науки и социального прогресса. С последовательно марксистских позиций философия Канта исследуется в советское время. В 20—30 годах различные ее проблемы анализируются в работах С. Я. Вольфсона, Б. Э. Быховского, Е. И. Боричевского и др. В работах белорусских исследователей отмечается положительное прогрессивное содержание философии Канта, прослеживается развитие его воззрений, раскрываются противоречия его философии.

¹ Dür S. Jan Śniadecki.— Warszawa, 1956, t. 5, s. 98.

² Śniadecki Jan. Pisma filozoficzne.— Warszawa, 1958, t. 2, s. 192.

³ Снядецкий Ян. О философии: Избр. произвед. прогрессивных польских мыслителей.— М., 1956, т. 1, с. 632.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 633.

⁶ Там же.

⁷ Pisma Jana Śniadeckiego o filozofii Kanta.— Kraków, 1821, s. 51.

⁸ Снядецкий Ян. О философии, с. 652.

⁹ Dowgird A. Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoretyczna i praktyczna.— Połock, 1828.

¹⁰ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии.— Минск, 1962, с. 456.

¹¹ Dowgird A. Wykład przyrodzonych myślenia prawideł., s. 219.

¹² Ibid, s. 234.

И. А. УЛЫБИН

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СТРУКТУРЕ ПОНЯТИЯ «НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ»

Формирование научного мировоззрения—важнейшая задача строительства коммунизма, сердцевина всей идеологической, политико-воспитательной работы. Поэтому партия и государство рассматривают ее как одну из актуальных проблем исследования. Понятно, что практическое решение проблемы во многом зависит от того, насколько хорошо, четко представляем мы сам феномен, т. е. содержание и структуру научного мировоззрения, а также процесс его формирования. К сожалению, единого мнения по этому вопросу пока нет.

Одни философы отождествляют научное мировоззрение с марксизмом-ленинизмом в целом¹. Нам такое отождествление представляется неправомерным. Дело в том, что марксизм—это самое прогрессивное, революционное учение. Мировоззрение же, как «обоснованно доказывается многими советскими философами, не есть какое-либо учение или наука»². Сторонники такого отождествления нередко ссылаются на слова В. И. Ленина («В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»³), как якобы подтверждающие правильность их точки зрения. Но ведь эти ленинские слова относятся не к определению и содержанию научного мировоззрения, а являются краткой характеристикой «Манифеста Коммунистической партии».

Кстати, и В. И. Ленин не отождествлял марксизм как учение с мировоззрением. Об этом убедительно свидетельствуют такие его высказывания, как «Учение Маркса... освещенное глубоким философским миросозерцанием»⁴, «система взглядов и учения Маркса... заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его миросозерцания вообще»⁵ и другие. Но и противопоставлять научное мировоззрение марксизму, который является идеологической основой этого мировоззрения, нельзя.

Другая часть философов отождествляет научное мировоззрение с марксистско-ленинской философией на том основании, что последняя дает людям общий взгляд на природу, общество и сознание⁶. Эта точка зрения распространена так же широко, как и первая. Думается, что и такое отождествление неправомерно, ибо мировоззрение и философия не совпа-